Владимир Федорович Одоевский. Ответ на критику

Серия "Литературные памятники"
В.Ф. Одоевский "Русские ночи", М., "Наука", 1975
OCR Бычков М.Н.

В низших слоях литературы, где бьется об стенки "Северная пчела", а "Библиотека для чтения" выезжает на "Вечном жиде" {1} для развлечения зевающих читателей, "Сочинения князя Одоевского" произвели довольно странное действие. Далекий от всех журнальных сплетней, кн. Одоевский никогда не мешался в непостижимую промышленную полемику нашего времени, но при случае не отказывался от долга произнести свое мнение об литературном экс-диктаторстве - и произносил не запинаясь; многим еще памятны два слова, сказанные им во всеуслышание об издании "Энциклопедического лексикона" {2} и, к сожалению, оправданные последствиями. Вот что было сказано. "Энциклопедический лексикон" будет, как видно, второю "Библиотекою для чтения", благородного человека можно обмануть только один раз, но два раза сряду обманывают только дураков. Я соглашусь принять участие в сем деле тогда только, когда состав редакции будет соответствовать достоинству издания. Пушкин записал эти слова в своем дневнике, {3} который хранится в его бумагах. Такая неосторожность, естественно, не могла понравиться издателю последних, невероятных томов "Энц<иклопедического> лексикона", вконец убивших сие издание, на которое потрачено напрасно столько трудов людьми добросовестными и столько невозвратной доверенности публики! Правда колет глаза, особливо когда была сказана заранее!

"Северная пчела" пока молчит, {4} но можно предвидеть, в каком роде будут ее толки. "Библиотека для чтения", напротив, поспешила {5} намаклатурить несколько страниц о книге не впору откровенного человека. Вывести какое-нибудь заключение из ее критики так же невозможно, как из других критических статей, помещаемых в "Библиотеке для чтения"; здесь все и ничего; слова взяты напрокат из словаря, и еще с ошибками, кое-как приставлены одно к другому, набралось несколько страниц - и конец статье; это старая метода последних томов "Энциклопедического лексикона". Лишь по некоторым намекам можно догадаться, сердит или не сердит библиотечный критик. Как бы то ни было, "Библиотека для чтения" ужасно воюет против "Сочинений князя Одоевского" и против здравого смысла и, должно признаться, довольно успешно - по крайней мере в последнем случае. Вообще статья об этой книге должна быть отнесена к числу наиболее удачных статей "Библиотеки для чтения"; в ней нет тех невероятных ошибок против русского языка, которыми обыкновенно отличается это издание, нет жеманного, надутого и неправильного слога сочинителя "Фантастических путешествий", {6} нет претензий на тяжелое, длинновязое остроумие; здесь скорее подражание топорному, но все-таки русскому слогу автора "Уголино" и "Истории русского народа", {7} которой окончания с таким нетерпением ожидают подписчики, заплатившие лет десять тому за нее деньги сполна. Средства, выбранные псевдокритиком, также весьма удачны, хоть он находился в весьма затруднительном положении. Как ни вертись, уж никак нельзя отказать князю Одоевскому хоть в таланте, хоть в новости точки зрения, хоть в неожиданных сближениях, предполагающих многосторонние сведения, а выговорить этого перед читателями не хочется, потому что это значило бы обратить угль горящий на главу свою; как тут быть? "Библиотека для чтения" нашла секрет: не пускаясь в даль, она приписала самому сочинителю мнения действующих лиц, им выведенных на сцену, ему приписала места, приводимые им из авторов, им опровергаемых, одно переиначила, другое прибавила, третье убавила, и наконец, чтобы довершить поражение, рассказала содержание повестей князя Одоевского языком г. Полевого; этого удара не могли снесть эти повести, несмотря на всю их занимательность, и сделались похожими на "Уголино" - страшно, но очень искусно! Мудрено ли после этого, что одно из действующих лиц показалось "Библиотеке для чтения" мистификатором, между тем как в этом лице автор выразил то состояние души человека, когда посреди высшего знания он озирается на пройденную, на ожидающую его дорогу и на него находит минута невольного отчаяния. Настоящее значение этого характера, названного автором нарочно для близоруких Фаустом, укрылось от "Библиотеки для чтения"; характер мистификатора ей показался ближе, сподручнее, чтобы не далеко было ходить.

Мы вполне оценяем и выбор и добросовестность этих средств, но вот что